

ТОСЬКИНА ВОЙНА

ПОБЕДА!
1945-2020

IV

Тосья Ермилова (слева)

Тоська Ермилова неслась по улицам родного поселка, а в голове билось гулкое короткое слово: война! Она услышала его, когда играла на огромной куче песка на окраине поселка, куда едва доносился звук из громкоговорителя, вещавшего по деревенскому обычаю чуть ли не круглые сутки.
«На нашу Родину... Вероломное нападение... Война...» – неслись обрывки фраз.

I

★ Ребята замерли, прислушиваясь к какому-то торжественному и одновременно страшному голосу.

– Ой, как здорово! – сказал один из мальчишек, – теперь такая жизнь начнется! Тут танки – ду-дух, ду-дух! Там наши с саблями и пистолетами – к бою с врагом, готовься! Может быть, даже удастся гранату раздобыть. Настоящую... – мечтательно добавил он. И ребячья ватага с криками «Ура! Война началась!» кинулась со всех ног по домам.

Заскочив в маленькую хату-мазанку, Тоська с радостным криком подлетела к матери, которая только что поднялась из погреба и протирала пыльные бока прошлогодней банки с вишневым компотом.

– Мама, мамочка! Что расскажу тебе, не поверишь! Война ведь началась! – выпалила она на одном дыхании.

– Ой, Тоська, – вздохнула та, – большая уж, 12 годов, а все играешься, как дите малое.

Тоська насупилась и хотела было обидеться на мать, но не успела – в комнату, шумно дыша, вбежала соседка и запричитала с порога:

– Липушка, горе-то какое! Слышала? Немец на нас напал! Что ж теперь будет-то, а?!

Уже через несколько часов первого дня войны поселок Целина Ростовской области наполнился плачем – мужчины уходили на фронт. Спустя всего неделю население его заметно уменьшилось, все реже на поселковых улицах встречались мужчины, а женщины вдруг как-то разом осунулись и постарели. Ушел на войну и Тоськин отчим, пусть и неласковый, но все же отец. Родного папу она даже не помнила, тот умер, когда ей был один год.

II

★ Настал 1942 год. Поселок полностью остался на плечах женщин, детей да немощных стариков, которые к призыву не годились. Работать на полях, фермах стало некому. Детвора после школы больше не бежала на улицу играть в салочки или прятки: нужны были рабочие руки. Ребят от 6 лет и старше разделили на группы: кто-то помогал на коровнике, кто-то на свиноферме. Тосю распределили на работу в поле. Домой она возвращалась затемно, долго мыла в прохладной воде вспухшие от многочасовой прополки руки, морщась

от боли, когда вода попадала в незаживающие от порезов осотом ранки. Рыхлили, боронили, окучивали – работа на колхозных полях не переводилась. После уборки пшеницы Тоська со своей ребячьей бригадой собирала оставшиеся на поле колоски. И опять засыпала в слезах под монотонно зудящую боль рук, исколотых пшеничными усиками стерней. Потом приходила осень, и надо было собирать свеклу, а еще позже – выдалбывать картошку из полузамерзшей земли. А потом она уже даже перестала плакать, когда ныли и болели ее натертые до кровавых мозолей маленькие руки. Плакала мама, когда гладила по натруженным рукам спящую дочь и приговаривала: «Терпи, родная, так надо».

III

★ Линия фронта все ближе и ближе подбиралась к соседнему Ростову-на-Дону, все чаще и чаще голосили бабы во дворах, надевая черные платки. Война подошла вплотную, и однажды зимнюю ночную тишину поселка разрезал вой падающей бомбы, потом оглушающий взрыв. Еще один, потом еще... Мать молилась Богу, стоя на коленях в пропахшем сырости погребе, а Тоська прижимала к себе маленького брата Женьку и успокаивала, как могла.

Наутро в поселке не досчитались аэродрома, железнодорожной станции, элеватора и складов с запасом зерна,

многих жилых домов и людей тоже. Взрослые отправились долбить мерзлую землю, чтобы хоть как-то похоронить земляков, а детям велено было оббегать дворы и искать трупы, которые моментально укрывала снегом

Супруги Скороходовы

бушующая метель. И Тоська, которая до жути боялась покойников, искала вместе со всеми. Потом она привыкла и к этому, когда после очередной бомбежки шла снова и снова искать тела погибших односельчан. «Потерпи, дочка, – всплывали в голове мамыны слова, – так надо».

Проходная завода, где работала во время войны героиня очерка

★ На жителей поселка надвинулся голод. В семье у Тоси уже давно не было ни хлеба, ни картошки, ни крупы. Они жили только молоком, а потом и этого не стало – корову убило снарядом.

«Мам, смотри, я целый фартук картошки принесла!» – это Тоська вернулась с колхозного поля, где провела часов шесть, выкапывая оставшиеся после зимовки корнеплоды. В этот день они пировали. Мама сварила сладкую перемороженную картошку вместе с кожурой, потогла с запаренной лебедой да такие пышки на сухой скоробе напекла, которые казались вкуснее уже почти забытого белого хлеба.

А целину то захватывали немцы, то освобождали наши. Семь раз поселок оккупировали немцы, забирали у местных последнее, делили между собой усадьбы, планировали, кто какой скот разводить будет, что сажать в полях станут.

Однажды немецкий офицер, квартировавший в доме у Ермиловых, для собственного развлечения пристрелил Тоськину любимицу – пушистую и ласковую кошку Мурку, с которой девочка делилась своими радостями, горестями и коркой хлеба. Тоська рыдала, немец хохотал, а испуганная мама прижимала к себе дочку и приговаривала: «Терпи, моя родная, так надо».

V

★ ...Как много еще в своей жизни ей пришлось терпеть, потому что так было надо. Страна, армия нуждались в боеприпасах, и 14-летнюю Тосю, как взрослую, отправили в Ростов-на-Дону работать токарем на завод «Ростсельмаш». Она точила на станке болванки для патронов. После смены, привычно засыпая под неутраченную боль в руках, израненных горячей и острой железной стружкой. Потом ей неожиданно повезло: ее отправили в Грузию собирать урожай мандаринов, солдаты нуждались в витаминах. Только вместо апельсиновых рощ попала на чайные плантации. И опять она, пятнадцатилетняя девочка, не роптала, вставала до восхода солнца (именно в это время идет сбор) и шла срезать верхушки чайных побегов. И потом дотемна перебирала их, раскладывала на просушку, веяла. И опять болели ее руки, вспухшие и покрытые гнойными нарывами (реакция на чайную росу).

В мае 1945 года домой привезли комиссованного с тяжелым ранением отчима, и ей дали на работе пять выходных. Так Тосья в один день встретила Великую Победу и проводила в последний путь человека, бывшего ей отцом. На этом и закончилась Тоськина война.

P.S. Этот очерк я написала в память о своей бабушке Антонине Федоровне СКОРОХОДОВОЙ, труженице тыла. Я хорошо помню ее руки – маленькие, как у ребенка, покрытые шрамами, с тонкой кожей и постоянно в работе. И ее слова: «Потерпи, родная, так надо».

Марина МЕЛЬНИЧЕНКО
Фото из архива автора